

Папина работа

Кимико Мотидзуки

- Мама, а ты когда-нибудь была на работе у дедушки? А там интересно?

- Он тогда работал не здесь. Нет, я не была у него на работе. Я была у мамы в кабинете, а папа работал на кухне.

- Я бы хотела побыть у папы на работе, - мечтательно сказала девочка, причесывая своего питомца. - И Лимончик тоже хочет посетить папину работу.

Этот разговор был примерно около года назад, но почему-то маленькая девочка, которой зимой исполнилось шесть лет, вспомнила о нем только сейчас. Уже прошло несколько месяцев с ухода мамы, и Кимико старалась жить с папой, его родственниками и своим дедушкой. Последний, хоть и имел семью, не мог смириться с гибелью своей единственной дочери, в Кимико видел черты Яреци и иногда казался маленькой девочке сумасшедшим или помешанным. Хотя Кимико не особо знала значение этих слов, но все равно было почему-то немного некомфортно находиться с делушкой. Да и к тому же, как она услышала, он уехал недавно куда-то.

Без мамы иногда было скучно и одиноко. Особенно когда папа был занят на работе. Он грустил, редко разговаривал о маме, но часто посещал свой дом. Там было интересно, и Кимико нравилась бабушка Чиэко, которая, хоть и была строгой и властной, иногда позволяла себе поболтать с внучкой и прощала ей небольшие шалости.

Кимико любила косметику и игрушки. У нее был небольшой рюкзачок, куда она складывала косметику и своего любимого Лимончика, а иногда еще что-то. В садике ее ругали за косметику, все отдавали папе, а иногда Кимико делилась своими игрушками с друзьями, а вечерами просила у папы, чтобы он обязательно купил ей новую игрушку, потому что все забрали плохие друзья. Да, так и говорила. И папа (и бабушка Чиэко, и дедушка Моррис) иногда покупали игрушки. А мама никогда не покупала ничего.

Наверное, жить без папы легче, чем без мамы. Наверное, с мамой как-то спокойнее, но девочка, хоть и понимала, что мама ушла туда, откуда нет возврата, все равно рассказывала всем, что мама уехала в далекую экспедицию. За это ее ругали воспитатели и просили папу поговорить с ней. Папа говорил, но Кимико все равно упрямо продолжала твердить про экспедицию. И иногда, оставаясь одна в комнате, или где-то еще, могла поплакать и загрустить. Однажды кто-то из мальчиков увидел ее слезы, и она поколотила его. Папе добавилась головная боль, и Кимико пообещала себе, что никто никогда не увидит ее слезы.

У папы было очень много работы, и в один из дней, когда в садике был карантин, папа сообщил, что ей придется идти с ним на работу. Всю дорогу девочка молча и внимательно (?) слушала, как нужно себя вести, кивала головой, и папа, оставив ее в комнате отдыха и, рассказав, где что находится, дал ей фломастеры, ручки и бумагу, поцеловал и ушел работать. А Кимико стала рисовать. А потом надоело

рисовать на бумаге, и она стала рисовать на руке. Когда ладонь стала совсем красной, Кимико вспомнила, что не накрасилась. Взяв из рюкзака свою косметику, она вышла в длинный коридор и направилась к туалету, чтобы накраситься. Открыла дверь, села на пол и стала краситься, глядя на свое отражение в зеркале, которое было во всю стену.

Юми Судзуки

Всему хорошему рано или поздно приходит конец. Вряд ли коллеги - особенно Такада из Кофу, - могли надеяться, что им и впредь посчастливится иметь дела только с покладистой и приятной в общении Ивамото, попавшей под влияние Судзуки-координатора и ещё не успевшей испортиться характером, нахватавшись яблочек от яблони; со дня странного визита Таямы прошла неделя, полукровке сняли швы - и вот она, заявившись в токийскую школу посреди рабочего дня, уже мелким шагом семенит по коридорам с пластиковым стаканчиком кофе в руке, бдительным оком обозревая вверенные ей владения. Нет никаких сомнений, что появление её осталось незамеченным: рык турбированного двигателя оранжевой "Тойоты", прекрасно известный каждому трудящемуся в школьном здании, не хуже взметнувшегося на флагштоке государственного штандарта возвещает о прибытии "королевы в резиденцию". Самые худшие подозрения - мол, вдруг показалось? - легко развеиваются взглядом, брошенным из окна на парковку у входа.

Расспросив о событиях последних дней бедного Асано, которому из-за вломившейся в кабинет Юми пришлось временно отложить только что расставленные на столе контейнеры с обедом, провожая их горестным взглядом, хафу по обыкновению решила самолично удостовериться в правдивости заверений о благополучии образовательного учреждения. Вплоть до третьего этажа Судзуки не с чего придираться к рапорту директора. Рабочий день в разгаре - в кабинеты, чтобы не отвлекать никого из собравшихся под крышей здания, она заглянет позже, а всё остальное на поверку выглядит так, как должно.

Всё, да не всё. Внимательный взгляд полукровки в один прекрасный момент приковывает ручка двери уборной: элемент фурнитуры явно не того цвета, коим ему быть положено. Вдобавок ко всему дверное полотно кое-где залапано чем-то, издали напоминающее кровь. Подозрительно прищурившаяся Юми, подойдя ближе, с облегчением выдыхает; ложная тревога, ушастая не чувствует знакомого запаха, неизменно сопровождающего сырой кусок говядины в миске - что, впрочем, не отменяет скорой головомойки тому, кто сотворил это безобразие. Резкие движения травмированной недавно рукой всё ещё вызывают неприятные ощущения, поэтому старшая Судзуки, переложив стаканчик в правую, за ручку цепляется левой - двумя пальцами, аккуратно, чтобы не вляпаться в красные следы - после чего рывком тянет её на себя, распахивая дверь настежь.

- Ты кто? - только и смогла выдать слегка ошарашенная Юми, готовая увидеть в помещении уборной что угодно, но только не маленького ребёнка, уставившегося в зеркало на собственное отражение и сосредоточенно прихорашивающегося. Не хватало ещё здесь детского сада. Ну, Асано...

Кимико Мотидзуки

Тени для век ложились не так хорошо, как хотелось бы девочке, и Кимико, упрямо

фыркнув, стерла все краем кофты. На лице остались блески, а кофта стала грязной. Ничего, папа потом стирает. Это не сложно - кинул в машинку, включил на нужный режим, и через время вытащил. Она и сама может, только не дотягивается до розетки. Потому что не маленькая ростом, а папа не разрешает - говорит, что там живет какой-то мистер ток, которого лучше не злить. А всё остальное Кимико делает. Помогает папе. Потому что папа не заставляет что-то делать. А мама всегда заставляла.

Вспомнив про маму, девочка вздохнула и, решив больше не грустить, продолжила заниматься наведением марафета. Девочка должна быть красивой в любой ситуации.

В туалетную комнату открылась дверь, и девочка посмотрела снизу вверх на отражение недовольной женщины.

- Здравствуйте. Меня Кимико зовут, а вас как? - Доброжелательно ответила девочка, продолжив краситься.

Юми Судзуки

Уму непостижимо. Нет, головой полукровка понимает, что перед нею сейчас находится маленький и совершенно незнакомый ребёнок, непонятно как сюда попавший - но всё равно в этой самой голове не укладывается, каким образом живое существо вида хомо сапиенс (хотя некоторые из них, прямо сказать, не совсем сапиенс), находящееся под крышей любого из трёх школьных зданий, может не знать Судзуки Юми по имени и в лицо. Ситуация настолько непривычная, что тянет на главное событие дня.

Девочка поворачивает голову, устремляя умильный взгляд на вломившуюся в уборную гостью - и Юми намётанным глазом с первых секунд зрительного контакта безошибочно определила смешанное происхождение маленького создания. Если сравнить дитя с образом белобрысой девчушки, сохранившимся на стащенных Сорой фотографиях, предварительно перекрасив соломенную копну волос - возможно, найдутся определённые сходные черты, сейчас на лице взрослой Судзуки уже не прослеживающиеся. А вот с младшими - ничего общего. Сан была куда сильнее похожа на европейку. Последняя же оставшаяся Судзуки, чьи глаза в детстве занимали две трети проекции физиономии, пока не спрятались за очками - вечно взъерошенная пацанка, не хуже внезапного землетрясения способная сокрушить всё плохо приколоченное одним своим присутствием - в аналогичном возрасте о косметике даже не помышляла, чего не скажешь о той, кто устроил заседание на полу туалетной комнаты.

- Вот как, значит. Кимико... - хафу чуть наклонилась, оперевшись свободной рукой на свою ногу повыше колена. Из манжеты правого рукава выглядывает край эластичного бинта, из которого горе-наживка соорудила некое подобие широкого напульсника. Длинный, красновато-розовый свежий шрам на тыльной стороне руки - полоса, оставшаяся после хирургической реставрации последствий близкого знакомства с режущей кромкой ножа мерзавца, - от запястья тянется почти до середины предплечья и скрыт под повязкой; Юми ещё не определилась, как относится к новому "украшению", пусть и горда собой за пройденное испытание, для

неё трудное втройне. - А я Судзуки. И как вы здесь очутились, Кимико? Я ваше личико вижу впервые.

Кимико Мотидзуки

Наконец, тени для век легли так, как и должны лечь, и девочка закрыла коробочку с косметикой и резво встала с пола. Поправила платице и повернулась к женщине, которая слегка наклонилась, чтобы маленькой девочке уж сильно не жаждать голову, глядя на нее.

- Судзу-ки, - проговорила Кимико, немного путаясь в буквах. - Это фамилия. А имя у вас есть?

Кимико любила правильность. В садике она старалась поправлять своих друзей и говорила им, что их болтовня не очень приятна взрослым, и вообще, соответствует интеллекту годовалого ребенка. Что такое интеллект девочка еще не особо понимала, но это слово ей очень нравилось и казалось каким-то взрослым. Вот так и с именем - если с тобой знакомятся, то называют имя. А не фамилию. Это неправильно и интеллект низкий, вот.

- А я Кимико Моти-зуки, - важно ответила девочка, глядя женщине в глаза и очаровательно улыбнулась. Сделала она акцент на своем имени, как бы подчеркивая, что имена важнее фамилий. В садике ведь к ним по именам обращаются, а взрослые при этом такие странные - обращаются по фамилиям. Глупые, глупые взрослые!

Юми Судзуки

- Правильно, - подтвердила хафу, машинально отмечая несколько специфичное произношение девочки. - И имя, конечно, тоже есть, без него нельзя. Меня зовут Юми. Знаете, моя дорогая, как пишется слово "море"? Вот. Я - морская Судзуки.

Фраза, что Юми некогда говаривала маленькой Хидне, выскочила сама собой, заставляя уголки тонких губ полукровкой произвольно приподняться - самую-самую капельку. Время лечит; сестрёнку вспоминать уже не так тяжело, а кадры разрозненных эпизодов школьных лет, связанные с домом в Сидзуоке и периодически вспыхивающие в памяти, не жгут клеймом по живой плоти. В детстве изучение даже элементарных кандзи давались Сан тяжело: пусть нагрузка на Юми была куда выше, нежели на среднюю сестру - конечно, всаднице апокалипсиса заняться нечем, кроме как всё портить и болтаться без дела, даже отец рукой махнул... - она всё равно буквально выгрызала минутки для занятий с любимой младшей, стараясь подготовить ту к школе и по возможности немного сгладить кошмарный языковой перекося, чему, разумеется, поспособствовала всё та же Сора.
Какая мерзость.

Чад, окончившее наведение марафета и поднывавшее на ножки - старшей Судзуки весьма непривычно смотреть на собеседника сверху вниз; какой бы миниатюрной она ни была, габариты женщины не идут ни в какое сравнение с ростом ребёнка, самый край, первоклассницы, - на вопрос не ответило, зато разулыбалось и, вместо объяснения феномена своего конкретного местонахождения, внесло ясность в сам факт своего появления в школьном здании. Так-так...

- Мотидзуки Кимико, - полукровка кивнула, но манеру общения девочки не поддержала, перевернув личное имя на свой лад и намеренно обращаясь к его носительнице, как к взрослой. В голове, точно в коробочке для игры в такен, где вместо пятнадцати квадратов уложены тысячи тысяч, пошли стремительные операции перестроений: память услужливо вытолкнула в "буфер обмена" костяшку с подписью "Тору" поверх затёртого номера. Да, соискатель ещё на собеседовании упоминал наличие малолетней дочери. - мне очень приятно. Кажется, у нас работает один Мотидзуки... интересное совпадение, правда? Вы, случаем, не знакомы?

Кимико Мотидзуки

- Ещё одна Юми. У меня в садике есть подруга Юми, мы с ней дружим, - радостно сказала Кимико, улыбнувшись. Хоть папа запрещал разговаривать с незнакомыми взрослыми, а мама даже один раз сильно наказала за то, что она общалась со светловолосым дяденькой, девочка сейчас была уверена, что ей никто ничего не сделает. Она обратила внимание, когда пришла в здание, на дверь-вертушку и на пропускную систему. Когда они долго проходили через эти штуки - турникеты (очень сложное слово для девочки, умеющей произносить "энчанчималс" - название самого любимого мультика) девочка заметила, что выйти оттуда не так-то просто. И войти тоже. Следовательно, эту тетю бояться не стоит.

- Мотизуки Тору мой папа! - гордо ответила девочка. - Сегодня мне не с кем было остаться, а я должна быть красивой. Девочки ведь красивые. А моя мама уехала в экпедицу - далеко-далеко. И не вернется. А вы знаете, что такое экпедица?

Юми Судзуки

"Ещё одна"? Фраза, построенная не слишком-то и вежливо по отношению к человеку намного старше, со всей детской прямоотой и непосредственностью, возможно, могла бы задеть кого-то другого - но только не старшую Судзуки, хоть она в своём роде единственная и неповторимая, разумеется. Кто бы сомневался. Напротив, брошенное походя упоминание некой маленькой Юми, с вероятностью процента эдак в девяносто два с половиной рождённой в чистокровной японской семье, роднит неизвестную маленькую дошкольницу с её взрослой тёзкой, уравнивая их куда успешнее, чем слой чёрной краски на волосах и линзы на разноцветных глазах последней. Едва заметная улыбка довольной полукровки стала шире. Спасибо, папочка, за фамилию и имя - особенно с фамилией повезло, входящей в тройку самых распространённых в стране. И здорово всё-таки быть Юми, а не по-гайджински как-нибудь наречённой... фу.

- Здорово, - вслух произнесла Судзуки, окинув крошечную собеседницу изучающим взглядом, задержав его на разрисованной детской руке, и присела на корточки. Преступление в отношении дверной ручки раскрыто; ясно и то, что приучить к уборке за собой девчушку ещё не успели, рановато. - мы с тобой тоже можем подружиться. Но для этого тебе нужно хорошенько вымыть руки. Без красоты никуда, но быть чистой тоже важно, верно?

Вот оно что... будем считать, что "поделника" маленькая преступница выдала самостоятельно. Тем лучше. Параллельно в памяти всплыла короткая записка от

Асано, предусмотрительно попросившего координатора при следующей встрече с Тору быть с ним помягче: зная крутой нрав дочери босса, директор позаботился о подчинённом, заранее проинформировав Юми о произошедшей в семье Мотидзуки трагедии, пусть и полноценной семьёй со слов самого Тору её назвать уже было невозможно. Однако мама остаётся мамой. *И ты, Судзуки, знаешь это не понаслышке.*

- Да, мисс Мотидзуки. Только не "экспедица", а экс-пе-ди-ци-я. По работе я почти каждый день езжу в маленькие экспедиции, можно сказать, - хафу принялась мягко съезжать с щекотливой темы, наблюдая за реакцией ребёнка и стараясь понять истинное отношение Кимико к уходу из жизни её матери. Экспедиция... это Мотидзуки дочери наплёл, что ли? Тьфу... - Так. А папа знает, где ты сейчас находишься?

Кимико Мотидзуки

Кимико кивнула и посмотрела на свою раскрашенную фломастером руку. Подошла к раковине и потянулась к крану. Долго мыла свою ладонь под водой, и она стала не такой красной. Повертев головой в поисках чем бы вытереть руку, Кимико вздохнула - полотенца были очень высоко, а сушилку для рук, куда они вставляются, она побаивалась - слишком громкая она. Поэтому она вытерла руки о свое красивенькое платице, оставляя на нем красноватые следы.

- Экс-пе-дица, - по слогам произнесла девочка, нахмурившись - слово было сложное. - Энчантималс не так сложно, как эта эк-спе-ди-ца. А я хочу подружиться с вами, Судзуки Юми-сан, - вежливо произнесла она после недолгого молчания. - У меня тут мпо друзей, только бабушка Чиэко и дедушка Моррис. У бабушки есть еще эта, как ее, Фуэми, очень противная тетка. Она ненавидела мою маму. А мама больше никогда не вернется из своей экс-пе-ди-цы. Дедушка очень сильно переживает. Папа оставил меня в комнате отдыха. Вы не будете его ругать? Он хороший.

Кимико посмотрела на женщину и застенчиво улыбнулась.

Юми Судзуки

- *Ты бы не прочь вернуться в возраст Мотидзуки Кимико, а, Судзуки? Признайся хотя бы себе. Ты бы сделала по-другому многое, ведь так? Или снова увидеть сестрёнок-дошкольниц - Сору, позже Хидну... Ты и с ними вела бы себя иначе, и кто знает, может быть, альтернативное будущее больше пришлось тебе по душе, нежели это.*

- *Вот только нотаций мне твоих не хватало. Это ТЫ осталась в прошлом, а не я. У меня всё прекрасно.*

- *Смотри у меня...*

Юми моргнула. Улыбка быстро сползла с лица, за последние полгода утратившее наконец нездоровую бледность, которая была неизменным спутником старшей Судзуки на протяжении практически всей жизни.

Голос Кимико вернул полукровку в реальность, откуда та на мгновение выпала, будучи утянутой куда не следует тоненьким и нахальным шёпотом *девочки из*

зеркала, внезапно решившей напомнить о себе. Лучше бы усатая обжора глаза продрала, требуя внеочередной трапезы - с этой намного проще.

Тут Юми поймала себя на мысли, что напрочь забыла, куда и зачем вообще шла, прежде чем напороться на измазанную ручку двери туалета, а сразу за ней - на дочь Мотидзуки Тору. Вероятнее всего, "комнатой отдыха" девчушка сочла помещение для самостоятельных занятий, по совместительству библиотеку - в не слишком-то и большое трёхэтажное здание практически в самом центре столицы, где каждый квадратный метр на вес золота чуть ли не в буквальном смысле, не удалось запихнуть даже мини-кафетерий для персонала, что уж говорить о каких-либо зонах отдыха. В любом случае, ни там, ни тем более в уборной ребёнку не место.

- Не буду. Но о том, как мы с тобой встретились, расскажу, - в хаотичном потоке слов Кимико, переполненном незнакомыми и ничего не значащими именами, явственно читалась нехватка внимания. Малышка честно постаралась избавиться от краски на руке, пусть и довольно своеобразным образом, а после и вовсе заявила о желании перейти на новый уровень отношений, чем заставила хафу невольно усмехнуться. - И давайте я буду просто Юми, хорошо, мисс Мотидзуки? Как ваша подруга. Пойдём. Я знаю кое-кого, кто с радостью составит нам компанию.

Кимико Мотидзуки

Женщина очень долго смотрела на нее, на ручку двери, на свое отражение, и Кимико в какой-то момент стало скучно. Взрослые такие странные и серьезные. Сейчас новая подруга, которая, к радости девочки, не отказалась такой быть, была похожа на маму. Та часто была молчаливой, редко разговаривала и часто ругалась. Иногда Кими хотелось делиться своими историями из садика, но мама молчала. Или просила быть потише. Иногда Кими сидела в своей комнате, а мама не приходила. Она рисовала свои странные и жуткие картины, часто плакала и не разговаривала с папочкой. А папа, когда она оставалась у него, постоянно проводил с ней время. И бегал с ней, и смеялся. Кимико понимала, что папа сильно занят на работе, и старалась лишний раз его не отвлекать. Но он хотя бы приходил к ней, если она звала его поиграть.

- Мне папа не разрешает называть взрослых просто по имени, говорит, что это невоспитанно. А я хочу быть хорошо воспитана, ведь я будущая леди. У меня даже платье крутится, посмотрите, - Кимико покрутилась пару раз вокруг своей оси и радостно захлопала в ладоши - платье действительно крутилось. - Вот, я почти как леди. А раз вы моя подруга, то я буду вас называть просто по имени. Я люблю дружить.

Кимико внимательно посмотрела на женщину и заметила на руке что-то, чем-то похожее на шрам.

- У вас рука в бинте. Вам очень больно? А что с вами произошло? - Спросила Кимико, даже не задумываясь, что это неприлично. Она была всего лишь маленьким ребенком, полным своей детской непосредственности. А потом взяла Юми за руку и решительно направилась к двери.

- А мы пойдем к папе? Или вы со мной поиграете, Юми?

Юми Судзуки

Девчушка одиноко бродит по школе, где ей находиться по идее вообще не следует, речь не поставлена, чуть ли не через слово вспоминает умершую мать, сгинувшую в вечной "экспедице", но хоть понимает, похоже, что к чему... С отцом её переговорить бы обо всём этом - но Судзуки не записывалась в бесплатные семейные психологи. Впрочем, в платные тоже. Если подумать - какое ей вообще дело? Но просто так бросить ребёнка хафу, конечно, не может.

- Хорошо, моя дорогая. Юми так Юми.

Женщина-кошка никак не ожидала, что в этом спектакле ей уготована роль ведомого: Кимико прямо-таки потащила взрослую новообретённую "подругу" к двери. Подстроившись под короткий детский шаг, полукровка невольно пыталась вспомнить - и одновременно отгоняла эти мысли подальше, - кого она до сегодняшнего дня последним держала за руку. Маленькую Сан, вероятнее всего... или же кого-то из студенческого потока на выпускной церемонии в Кэйо. Время милостиво стёрло из памяти десятки, сотни разрозненных кадров о непростой и полной подводных камней жизни старшей Судзуки, мешающих или просто ненужных, оставив зияющие дыры и не дав ничего взамен. Так она думала долгие годы - но после гибели сестры, после пробуждения магических сил, после недавней ночи в Синдзюку-гёэн, где ей пришлось переступить через себя, Юми начала понимать, что слишком многому не придавала значения или вовсе того не замечала.

- Что? А, это... Я недавно сильно порезалась, - и это было правдой. Судзуки, перехватившая у девочки инициативу и мягко ведущая ту к лестнице, убеждена: детям нельзя врать. Не договорить, чуть приукрасить в удобную сторону, опустить подробности - да, сколько угодно, но только не допускать прямой лжи. Ещё бы... некогда ей уже приходилось думать над ответом на вопрос "А где мама?", что задала Хидна, и объяснять, почему маму она увидит только на фотографиях. Отцу же вечно некогда... и не только в том причина. Тогда Юми хотела сквозь землю провалиться - но всё же ответила, как умела. Пусть неловко, но не желая давать крошечной сестре ложных надежд. - но теперь уже совсем не больно. Папу, мисс Мотидзуки, мы отвлекать от работы не будем. Работать нужно и мне, поэтому поиграть получится только в следующий раз. Зато я сейчас познакомлю вас с девушкой, которая тоже будет очень рада подружиться - с ней намного интереснее, чем сидеть одной в туалете. О'кей?

Кимико Мотидзуки

- Это, наверное, больно, - поморщилась девочка. - Моя мама умела лечить, она раньше жила в одном монастыре и научилась лечить с помощью рук.

В воспоминаниях у шестилетней Кимико было что-то о том монастыре, где познакомились мама с папой. Девочка плохо помнила это место, потому что кроме слез мамы ничего там не видела. Последний раз она была там еще совсем малышкой, года два назад, и что-то помнит. Странное дерево, большое и красивое, с ветвями, по которым можно ползать. Домик помнит, который, как рассказал папа, появился чуть ли не за одну ночь. И слезы мамы. И грусть-печаль. Кимико вздохнула. А сейчас она уже взрослая, да! Сама краситься может, вот!

Некоторое время назад папа ей сказал, чтобы она не рассказывала о монастыре, а точнее, о способностях своей мамы. Не стоит лишний раз шокировать людей, которые о магии ничего не знают.

- Я не сидела в туалете, - обиженно произнес ребенок, - я красилась. В комнате отдыха нет зеркала, а тут большое. - Кимико слабо улыбнулась и посмотрела на женщину. - Почему взрослые такие скучные? - С детской непосредственностью спросила Кими, глядя на женщину.

Юми Судзуки

- Теперь уже нет, - повторила Судзуки, неторопливо спускаясь по лестнице и сжимая пальцы девочки чуть сильнее - чтобы удержать, если вдруг та оступится и сыграет Сору, в детстве регулярно падавшую на ровном месте и способную споткнуться даже о собственную ногу. В коротком ответе вновь не было лжи; Кимико не знает, что события, оставившие у "подруги" шрам на руке, принесли женщине не одну только физическую боль, но теперь и душевная уже сильно приутихла. А дальше полукровке помогло умение держать физиономию кирпичом, не отвечивая запретными эмоциями и параллельно обдумывая полученную неожиданную информацию и предпочитая оставить её без комментариев. Работает полезный навык, увы, далеко не всегда: если чрезмерно внезапная тема касается Юми напрямую, то велик шанс, что она взорвётся и выдаст себя с головой, в самых витиеватых выражениях выразив свои мысли. Ещё год назад старшая Судзуки бы просто выкинула из головы фразу девчушки о талантах матери, расценив её как детское преувеличение или же банальное шарлатанство. Но теперь... при случае надо аккуратно спросить у Таямы, не наложением ли рук убирали шрамы у его пассивности. Теоретическое существование целительной магии она вполне допускает: удивляться сложно, после кошачьей-то усатой морды в зеркале, и вдобавок на фоне отнюдь не беспочвенных опасений в любой момент навалить коричневую ледышку в кофейном стаканчике.

- В "комнате отдыха" здесь сидят за книгами обычно. Поэтому зеркал и нет. И вовсе мы не скучные - во всяком случае, не все, точно говорю. Вон ту девушку зовут Наоки. Если пообещаете её слушаться, пока не освободится папа, то я обещаю покатасть вас на красивой и быстрой машине. - Юми приподняла уголки губ, выходя с лестницы в холл, и повысила голос: - Ивамото!

Администратор, копошащаяся за своим столом, подняла голову на оклик и немедленно выпучила карие глаза при виде, наверное, самой невероятной картины в её жизни: начальница собственной персоной, на лице полуулыбка, да ещё с ребёнком за руку! Очевидно, Тору с дочерью явились раньше прихода Ивамото на работу, и та не была в курсе нахождения в школе необычной гостьи. Нужно отдать должное, взяла себя в руки Наоки очень резво и, подскочив с офисного кресла, отвесила положенный поклон Юми и улыбнулась спутнице, когда нереалистичная парочка приблизилась к её рабочему месту.

- Знакомься, это мисс Мотидзуки. Да-да, ты правильно поняла, - хафу заметила, как изменился взгляд Наоки, приобретая характерный блеск. Интуиция не подвела, после собеседования предположение подтвердилось чуть ли не сразу: видный

сотрудник-новичок с первых рабочих дней приглянулся доброй половине представительниц женского пола в коллективе, включая и Ивамото. Юми, напротив, картинно закатила глаза. Нос не дорос ещё глазки Тору строить - дело лучше полезное сделай. - Отвечаешь за ребёнка до конца рабочего дня, займи её чем-нибудь. Если будет не разорваться, вызови Арагаки из бухгалтерии, скажи, что я попросила. Ну а нам, подруга, - Судзуки снова повернулась к Кимико. - пора прощаться. Разрешаю потрошить сумочку Наоки на предмет косметики. Ещё увидимся, если вы с папой будете хорошо себя вести!

Помахав рукой девочке, полукровка быстро зашагала обратно к лестнице - завершать обход, и так задержалась, а должна быть уже на полдороги к Кофу, - и потянулась за телефоном, сжав зубами краешек недопитого стакана с кофе, чтобы освободить обе руки. *"В перерыве спуститесь в холл, а после занятий зайдите в уборную на третьем этаже"* - быстро настроенная смска ушла адресату. Юми убрала смартфон, выудила из сумки ручку-перо с блоком канцелярских стикеров и принялась малевать прямо на ходу. Оранжевый цвет клейкой бумажки, прилепленной к двери, равносителен подписи "здесь была Судзуки-сама" самым крупным шрифтом: нет никаких сомнений, что Мотидзуки-старший, явившись к "месту преступления" уже будучи осведомлённым о передислокации дочери, правильно поймёт как происхождение красных следов-ладошек на двери и дверной ручке, так и прозрачный намёк в виде изображённого на листке человечка в галстукe с крестиками вместо глаз, уныло повисшего в петле виселицы.
